

*М.Л. Бутовская, М.И. Драмбян, В.Н. Буркова,
Д.А. Дронова*

ПОЧЕМУ ХАДЗА ТАНЗАНИИ ПРОДОЛЖАЮТ В НАШИ ДНИ ЗАНИМАТЬСЯ ОХОТОЙ И СОБИРАТЕЛЬСТВОМ?

В 2006 г. в период с сентября по октябрь включительно, экспедиция ИЭА РАН в составе: Бутовская М.Л. (руководитель), Буркова В.Н., Драмбян М.И. и Дронова Д.А. работала на севере Республики Танзания, в районе оз. Эйяси, преимущественно на его восточном берегу. Проведение работ стало возможным благодаря грантам РГНФ на полевые исследования № 06-01-18128е, и исследовательскому гранту РГНФ, № 04-01-00244а, а также благодаря разрешению Танзанийского правительства на исследование в данном регионе. Наш проект - первое полевое исследование российских антропологов (включая также советский период) в Восточной Африке, направленное на изучение традиционных культур этого региона.

Экспедиция 2006 г. - один из этапов более крупного проекта по изучению антропологии, культуры и особенностей поведения трех коренных народов, проживающих по соседству в районе северной Танзании: хадза (охотники-собиратели), датогии (отгонные скотоводы) и иракв (земледельцы). Начало работ в Северной Танзании положено исследованиями М.Л. Бутовской 2004-2005 гг. (*Бутовская, Мабула, 2007*). Все три народа продолжают вести традиционный образ жизни и регулярно взаимодействуют друг с другом в повседневном контексте. В рамках комплексной программы собирались данные по материальной культуре хадза, способам их жизнеобеспечения, факторам, определяющим выбор брачного партнера, уделялось внимание специфике взаимодействия традиционной экономической системы охотников-собирателей с рыночной экономикой обществ, нахо-

дящихся в процессе модернизации и также с современным западным обществом. Наряду с данными по антропометрии хадза, проводился также сбор буккальных проб для последующего генетического анализа (в рамках данного проекта мы предполагаем выяснить частоту встречаемости аллельных вариантов для генов рецепторов и транмиттеров серотонина и дофамина, а также МАО-А в популяциях хадза, датог и иракв).

В рамках данной статьи мы ограничимся анализом части наших полевых материалов по хадза. Эта этническая общность представляет собой одну из немногих сохранившихся до наших дней популяцию охотников-собирателей. Интерес к данной культуре исключителен: до сих пор для антропологов остается загадкой! Почему эти охотники-собиратели, не смотря на контакты со скотоводами, земледельцами и представителями западной цивилизации смогли сохранить свою культуру, систему ценностей и традиционные системы жизнеобеспечения? Почему, вопреки активным усилиям танзанийского правительства "посадить хадза на землю", они так и не приобщились к навыкам земледелия и не пытаются овладеть навыками скотоводства? Для большинства же культур охотников-собирателей контакты с иноэтничными соседями завершились трансформацией, ассимиляцией или гибелью (Сгонк, 2000).

Хадза (хадзапи, тиндига, киндига, кангеджу, вахи) - традиционно представляли и представляют интерес для широкого круга этнографов, антропологов как неспециализированные охотники-собиратели тропического пояса, одни из немногих подобных групп земного шара, сохраняющие традиционный образ жизни. Д.А. Ольдерогге называет их "бушменами Восточной Африки" (Ольдерогге, 1974. С. 169-170). Как показывают многочисленные данные, их культура и по сей день во многом продолжает оставаться сходной с той, что была описана для бушменов !кунг Намибии до 1970-х годов (Lee, 1984; Marlowe, 2002). Эта этническая группа проживает в районе оз. Эйяси на северо-западе Танзании. Считается, что их язык (хадзана, хадзапи) родственен бушменскому, и наряду с языком сандаве входит в группу койсанских языков (Fleming, 1968; Ruhlen, 1991). В последнее время, правда, находят подтверждение предположения Дж. Вудберна (Woodburn, 1977) о том, что язык хадзапи занимает обособленное положение в койсанской семье (Sands, 1995). По версии ряда специалистов, клики могли представлять собой древнейший вариант современного языка. Возможно, такой язык практиковался первыми людьми современного вида. По мнению А. Найта с соавторами (Knight et al., 2003), клики могли сохраниться в языке

отдельных этнических групп (охотников-собираателей) со времен, когда вокальный язык еще полностью не сформировался и клики представляли собой довербальную ступень для современного языка. Современные генетические данные (анализ митохондриальной ДНК и Y-хромосомы) свидетельствуют о том, что расхождение предковых популяций бушменов Южной Африки и хадза произошло на ранних этапах дифференциации современного человечества не позднее 50 000 лет (*Knight et al., 2003*) .

На сегодняшний день численность хадза оценивается примерно в 1000 человек (*Blurton Jones et al., 1992*). Из них около 250 человек (западные хадза или вахи) обитают к западу от оз. Эйяси, ведут образ жизни охотников-собираателей и практически не изучены. 750 человек проживают к востоку и югу от озера. По последним данным примерно 300 человек (часть восточных хадза) продолжают вести традиционный образ жизни охотников-собираателей и полностью обеспечивают себя едой за счет собирательства и охоты (*Marlowe, 1999*). Остальные восточные и южные хадза сочетают традиционные способы экономики с различными видами деятельности, дающими им дополнительные доходы: сторожат кукурузные плантации соседей-земледельцев от набегов обезьян (мартышек и павианов), получая в уплату молотую кукурузу и одновременно используя в пищу мясо убитых обезьян; работают егерями и гидами в национальных парках; некоторые группы хадза вовлечены в туристический бизнес.

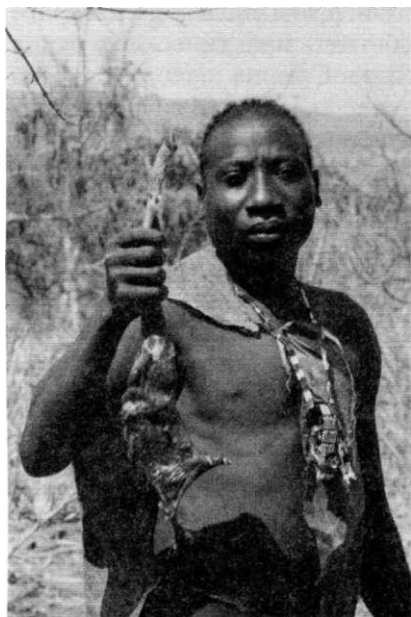
В ходе работы были обследованы 17 локальных групп (бендов) хадза, продолжающих вести традиционный бродячий образ жизни. Размеры локальной группы колебались в пределах от 7 до 30 человек, бенд, в среднем, составлял 18-20 человек. Состав всех исследованных групп был в значительной степени подвижен. Члены группы, как взрослые, так и подростки, могли достаточно свободно покидать группу и проводить в другой на положении гостей от нескольких часов до (практически) не лимитированного времени. Так, например, один из подростков по имени Дактори (возраст примерно 10-11 лет) пришел с отцом в гости к дяде (Ньерере) - лидеру группы и так и остался там на год, тогда как отец вернулся в свою собственную группу. Как объяснил Дактори, ему очень нравится находиться в группе Ньерере, потому что дядя и члены его группы часто охотятся, а кроме того, здесь много молодежи.

Несмотря на текучесть групп, костяк группы и в первую очередь ее лидер могут быть постоянными. Подбор членов группы строго не лимитирован, однако большую роль в выборе индиви-

дом группы играют родственные связи, в том числе и по материнской линии. Малые группы могут состоять практически из одних родственников. К примеру, в группе Симона находились его братья, отец, племянники. То же можно сказать и о группе Хамиси. В группе Ньерере находились его братья - родные и двоюродные. Кроме родственных связей у хадза большое значение играют связи по свойству (по линии жены или мужа), дружеские отношения. Так, к примеру, в группе Пандиши находились отец и мать жены. А в другой группе проживали мать и две дочери с мужьями. Хадза могут выбирать группу проживания, перемещаться в гости, в том числе и с семьями, руководствуясь личностными отношениями. В некоторых случаях локальные группы могут практически объединяться, когда места стоянки находятся в непосредственной близости одно от другого. Покидать свою группу, проводить время в другой могут и лидеры групп, что лишний раз подтверждает эгалитарный характер социальных отношений хадза. Пространственные расстояния между стоянками бендов хадза не велики, в среднем 2-6 км, что позволяет им поддерживать регулярные связи друг с другом. Нам представляется возможным говорить о едином сообществе хадза района оз. Эйяси, так как ни информационное пространство, ни сфера выбора брачного партнера никоим образом не ограничивается рамками локальной группы и охватывает весь описываемый ареал обитания хадза (район оз. Эйяси).

Не смотря на немногочисленность популяции хадза, сохраняется родной язык хадзапи. Кроме того, практически все опрошенные, за исключением нескольких пожилых женщин, в совершенстве владеют языком суахили. Степень владения суахили заставляет предположить, хотя бы в отдельных случаях, билингвизм, однако между собой все хадза общаются на родном языке. Традиционными занятиями, составляющими основу жизнеобеспечения хадза, остаются охота и собирательство. Существует половозрастная специализация. Женщины занимаются сбором дикорастущих растений, ягод и корнеплодов, мужчины регулярно ходят на охоту, младшие мальчики охотятся самостоятельно на мелких грызунов.

Основными объектами охоты в сухой сезон, в районе оз. Эйяси, являются мелкие антилопы дик-дик вес которых составляет около пяти килограмм, кролики, крупные антилопы куду и импала, соотносимые по размеру с европейским оленем, мангусты, зеленые мартышки, павианы анубисы. Охота хадза достаточно продуктивна, практически в каждой группе мы наблюдали тушки убитых в этот день животных. Дневная добыча, как правило,

Мясная пища - не редкий гость в рационе хадза (задняя часть *дик-дика*)

составляет один-два *дик-дика*, или *дик-дик* и мангуст, или павиан, реже - крупная антилопа.

В ряде случаев было добыто больше мяса, чем требовалось для одной трапезы, поэтому излишки были порезаны на длинные тонкие полосы и развешены вялиться на солнце на кустах. Охота может быть как коллективной, так и индивидуальной. В последнем случае взрослые мужчины часто берут с собой на охоту подростков и обучают их технике поиска добычи, тактике подкрадывания к ней. Охота на крупную дичь требует использования отравленных стрел и умения следовать за подраненной добычей, пока яд не подействует (примерно 40 мин.). Упустить добычу в такой момент без сноровки

не составляет труда. По возвращению с охоты старшие мужчины устраивают своеобразный "разбор полетов". Анализируют недавнюю охоту и поясняют ошибки, допущенные подростками. Именно такое поведение было характерно для Ньерере, лидера группы, в которой собралось много подростков.

На охоте приходится сталкиваться не только с необходимостью быстро реагировать на действия дичи, серьезные трудности возникают, если такое подраненное животное попадает на глаза другим охотникам и те (не заметив, что оно ранено, или сделав вид, что они этого не заметили) также поражают его своими стрелами. В этой ситуации от охотника требуется значительный социальный опыт и способность аргументировано доказать свое первоочередное право на добычу. Как показывают наши беседы с мужчинами, практически каждый из них сталкивался с подобной ситуацией либо в роли хозяина добычи, либо в качестве второго претендента на дичь. Конфликтная ситуация в этом случае могла решаться различными путями: 1. Второй охотник признавал право первого и возвращал добычу. При этом тот, в свою очередь отдавал должное конкуренту и делился с ним мясом; 2. Второй охотник упорно не соглашался отдать убитое живот-

ное, тому, кто первый его подранил, и завязывалась драка. В пылу разборки мужчины могли наносить друг другу травмы (дрались луками, используя их как дубинки, просто руками и даже кусали друг друга зубами). Если мировая не достигалась, то более слабый убегал, а дичь доставалась победителю; 3. В конфликт двух охотников вмешивались другие мужчины-хадза и с помощью логических доводов убеждали помириться и поделить добытое мясо. Следует сказать, что конфликты из-за добычи в основном происходили между членами разных групп, чаще между мало знакомыми мужчинами. Значение охоты выходит далеко за пределы сферы материального обеспечения. Успех в охоте обеспечивает социальный престиж и уважение соплеменников. Успешный охотник получает реальный шанс стать лидером группы, а также является более престижным женихом. Взрослые мужчины любят обсуждать этот род деятельности, гордятся своими трофеями. Некоторые сообщали нам, что стараются регулярно охотиться, чтобы добывать достаточное количество мяса для жены (которую они любят) или обратить на себя внимание девушки, которую желали бы видеть своей женой в будущем. Показательна в этой связи следующая история. Молодой мужчина примерно 27 лет по имени Джума провел шесть лет в начальной школе и в результате не вполне освоил охотничье мастерство. Вернувшись в буш, он столкнулся с реальной проблемой: окружающие относились к нему с некоторой долей иронии, всячески намекая на его несостоятельность как добытчика мяса. Вполне вероятно, что именно из-за этого обстоятельства сложился неудачно его первый брак. Жена завела любовника и оставила Джуму. Очевидно, сам Джума сделал выводы и со всей серьезностью стал осваивать мастерство охотника. Когда мы посетили группу через год, то узнали следующие новости: Джума привел в группу молодую жену и стал регулярно охотиться (причем, со временем, достиг в этом деле явных успехов). Новая жена (по словам самого Джумы) инициирует его участие в охотничьем промысле, а когда он возвращается с добычей, активно радуется его успехам, демонстративно оповещая об этом событии окружающих. Статус молодого мужчины отчетливо возрос. Сам же он стал вести себя значительно более уверенно. При этом, Джума сообщил нам в интервью, что своим успехом во многом обязан новой жене, так как именно она поощряла его охотничьи походы и стимулировала приобретение столь полезных для хадза навыков следопыта.

Все представители мужского пола, не исключая и подростков, не покидают территории стоянки (даже на непродолжитель-

ный срок) не взяв с собой лука и набора стрел, и каждый удобный случай используется ими для поражения живой цели в не зависимости от размеров, включая мышей и мелких птиц размером с воробья, что может никак не коррелировать с их обеспеченностью мясной пищей. По сообщениям информантов, добычей хадза могут становиться и более крупные звери, включая львов, жирафов, буйволлов и слонов. Один из наших респондентов, Ньерере, продемонстрировал шкуру недавно убитого им крупного леопарда. Кроме охоты мужчины занимаются сбором меда диких пчел. В данной местности обитает около 5 видов пчел, которые варьируют по размерам тела, общим размерам гнезда и, следовательно, по количеству меда в нем. Некоторые их местных пчел не имеют жала, что существенным образом облегчает работу мужчинам-сборщикам. Гнездо пчел обычно находится внутри ствола дерева, как правило, акации, определить его наличие может только очень квалифицированный наблюдатель, так как выход из гнезда представляет собой крохотную трубочку из воска мало заметную со стороны. В месте нахождения гнезда ствол разрубается топором и из образовавшейся полости извлекается мед. Нам удалось заснять процесс сбора меда пчел рода *Milepona*. Поскольку эти мелкие пчелки не имеют жала, то никакого защитного оборудования или предварительного окуливания гнезда не потребовалось. Мед активно используется в пищу самими хадза. Этот продукт стремятся добыть мужчины, чтобы обеспечить потребности кормящей жены, когда в семье имеется ребенок младше года (мед не подлежит обязательному дежесу, в отличие от мяса). Мед часто служит тем продуктом, который должен, по решению старших членов группы, добыть для группы мужчина, непосредственно уличенный в неблагоприятных действиях (драке, ссоре или краже), или же расплачивающийся подобным способом за провинности жены. Это также традиционный объект обмена с иноэтническими соседями.

Основной хозяйственной деятельностью женщин является собирательство. В сухой сезон выбор дикорастущих растений ограничен, однако в это время массово созревают ягоды "ундошиби", а также в изобилии имеются корнеплоды.

Хадза употребляют в пищу клубни множества различных дикорастущих растений, в том числе "леква" (*Vigna frutescens*), "до'айко" (*Vigna macrorhyncha*), "макалидако" (*Eminia etennulifa*), "шумуко" (*Vatoraea pseudolablab*) (*Schoeninger et al.*, 2001). Наряду с клубнями широко употребляются ягоды и плоды. В первую очередь это плоды баобаба, ягоды "ундушиби" (*Cordia sinensis*), "масакапи" (*Cordia crenata*), "конголубли" (*Grewia bicolor*), "хлу-

Семейная трапеза. Сегодня на обед - угали

кайебе" (*Grevia villosa*), "пейве" (*Sclerocarya birrea*) (Murray et al., 2001).

В настоящее время в дополнение к дикоросам хадза широко используют в пищу крупномолотую муку маиса, выменивая ее у земледельцев или получая в подарок от миссионеров и туристов. Об устойчивости употребления муки свидетельствуют способ ее приготовления и наличие необходимых для этого инструментов. Мука заваривается вкрутую с помощью специальной лопаточки и деревянного Т-образного венчика для перемешивания до такого состояния, что ее можно есть руками. Это блюдо, "угали", традиционно для большинства земледельческих народов Танзании.

Материальная культура хадза отличается простотой и функциональностью. Кроме того, необходимость в перекочевках предполагает лимитирование веса и объема используемых в хозяйственном назначении предметов.

Жилище хадза может различаться в зависимости от климатических условий. В сухой сезон это, чаще всего, ветровые заслоны, которые представляют собой расчищенные площадки земли среди кустарника или под нависающей кроной деревьев. Размещение на ночлег у хадза посемейное. В тех случаях, когда у мужчины имеется две жены, каждая живет в своей отдельной хижине. Размер жилища коррелирует с количеством членов семьи,

Жилище хадза

способных разместиться там в горизонтальном положении. Расстояние от одного жилища до другого от нескольких метров, до нескольких десятков метров. Спят хадза непосредственно на земле, подстилая шкуры крупных антилоп.

В холодное время они также накрываются шкурами. Мужчины заворачиваются от холода в "чуки" - пледы, традиционно используемые скотоводами (масаями, датогами) а женщины кутаются в "канги" - отрезы из ситца размером 1,5 м на 1 м, используемые в настоящее время повсеместно в Танзании в качестве женской одежды. В углу жилища складывают личные вещи и накрывают шкурой. Днем во время отдыха хадза могут произвольно распо-

лагаться на территории лагеря находя места в тени и ориентируясь, как правило, на свою тендерную группу. В сезон дождей группа, обычно мигрирует в места с естественными укрытиями (пещеры на склонах предгорий) или строит хижины. Каркасом для такой хижины служат тонкие ветви, образующие полусферу, сверху каркас покрывается травой или плотными листьями длиной до 1 м и шириною около 4 см.

Внутреннее пространство жилища может быть как двухкамерным, так и однокамерным. В двухкамерном жилище одно из помещений выполняет роль прихожей. Внутри хижины может разводиться костер, дым выходит через щели в покрытии. К настоящему времени одежда хадза претерпела некоторые изменения. Мужчины сменили набедренные повязки на шорты фабричного производства. Торс может оставаться обнаженным, но продолжает использоваться и традиционная туникообразная накидка из шкуры крупной антилопы. В некоторых случаях, мужчины прикрывали спину накидкой из шкуры павиана. В качестве обуви используются сандалии, изготовленные кустарным способом из старых автомобильных шин. Такие сандалии стали традиционным видом обуви для большинства сельского населения Танзании.

Мужские украшения представлены бусами из бисера или фрагментов игл дикобраза, браслетами и налобными украшениями из тех же материалов. Их ношение никак не регламентируется и не зависит от статуса. Непременным атрибутом взрослого мужчины является нож в ножнах, закрепленных на поясе. Женская одежда состоит из упоминавшейся выше "канги" закрывающей верхнюю часть бедер, переднюю часть туловища, грудь и фиксирующейся посредством связывания концов отреза узлом за спиной или на шее. Украшения практически идентичны мужским, но в ушах у многих женщин продеты небольшие коричневые палочки-колочки.

Единственным орудием охоты хадза является лук со стрелами, несмотря на то, что соседние народы (датогии, масаи) пользуются на охоте преимущественно копьями. Лук изготавливается из древесины определенных пород. Размеры его варьируются в зависимости от индивидуальных физических данных владельца. Высота лука с натянутой тетивой колеблется от 150 до 170 см, диаметр окружности в самой широкой части равен в среднем 2-3 см. Тетива изготавливается из жил антилоп или из синтетических веревок. Кроме того, имеются "подростковые" луки с которыми охотятся старшие дети. Такие луки обладают достаточной убойной силой для поражения мелкой антилопы или грызуна. Некоторые охотники украшают свои луки узкими полосками из кожи и меха. Хадза используют несколько типов стрел: заточенные стрелы без металлического наконечника, стрелы с металлическим наконечником и отравленные стрелы с (также с металлическим наконечником). В свою очередь, наконечники стрел делятся на несколько типов: лепестковые, напоминающие по форме вытянутый лист ивы (длина рабочей части равна 8-9 см, ширина в самом широком месте 1,5-2 см, толщина около 1 мм); стреловидные (длина 4,5 см, ширина 2,5 см, толщина около 2 мм); гарпунного типа (аналогичны стреловидному по размерам); заусенчатые, имеющие небольшое острие лепесток (длина 2 см, ширина 1 см) и шток квадратного сечения длиной около 6-7 см, покрытый неравномерно выступающими заусенцами, размером до 0,8 см. Яд растительного происхождения используется с наконечниками двух типов: стреловидными и гарпунными. Длина стрел может незначительно варьировать от 80 до 100 см (вместе с наконечником). Оперение - четырехлопастное из перьев цесарки, укрепленное на древке стрелы с помощью тонких жил. Наконечник фиксируется с помощью углубления штока в сердцевину древка стрелы. Поверх древка в этом месте делается обмотка из тонких жил. Стрелы украшаются индивидуальным

орнаментом. Нож, часто фабричного производства, приобретается хадза у соседних этнических групп, а ножны изготавливаются самостоятельно из кусков шкуры и могут быть декорированы костью и бисером.

Основным орудием труда женщин является палка копалка. Высота ее около 1 м, а диаметр равен 3-4 см. Такая палка заостряется с одного конца и исключительно эффективна в саванных условиях. В настоящее время хадза используют топоры, заимствованные ими у земледельческих групп. Для приготовления пищи используются алюминиевые котелки с плоским дном, также приобретаемые хадза у соседей. Очагом служат три камня, между которыми разводится огонь. Ремесленная деятельность хадза включает в себя изготовление методом холоднойковки наконечников для стрел (исходным материалом, в настоящее время, служат гвозди), плетение украшений из бисера и фрагментов игл дикобраза, изготовление орудий охоты (лука и стрел).

Семья хадза - нуклеарная. Возможны варианты брачного поселения: неолокальное, билокальное. Брак - моногамный, в редких случаях допускается полигиния, однако, по нашим наблюдениям, полигинный брак недолговечен, одна из жен покидает через некоторое время семью. Количество детей в семье небольшое, в среднем 3-4. Судя по всему, высока детская смертность (по нашим данным, до 20%). Прежде всего, это происходит вследствие кишечных и легочных инфекций. Наши наблюдения показывают, что в группах хадза достаточно высок процент бездетных женщин, пребывающих в браке уже длительное время. Причины данного явления остаются непонятными и требуют более детального медицинского изучения.

Интервью (по теме роды и родовспоможение), проведенные нами в разных группах хадза, продолжающих вести традиционный бродячий образ жизни, позволяют составить представление относительно того, как протекают роды в этой культуре и как ведут себя роженица, ее муж, а также ее родственники и родственники непосредственно в момент родов и послеродовой период. Современные женщины хадза продолжают рожать традиционным способом и не обращаются для родовспоможения в госпиталь. Нами было опрошено 15 женщин из 15 лагерей хадза, проживающих в районе оз. Эйяси и ведущих традиционный образ жизни бродячих охотников-собирателей. Возраст опрошенных женщин от 30 до 50 лет. Каждая из них к моменту нашей беседы родила нескольких детей.

Все женщины, с которыми мы беседовали, рожали в лагере, и ни одна не обращалась в госпиталь за помощью. Как следует из

интервью с этими женщинами, все их знакомые и родственницы хадза также рожали в буше. Большинство к моменту родов старались уйти в группу, где находились их родители (или, в крайнем случае, бабушка или тетя по материнской линии). Как рассказывает Юдисо (в момент нашего посещения она находилась на последней стадии беременности и уже являлась матерью двоих детей), родители всегда помогают при родах, особенно мама. Роженица располагается в хижине или в специальной выгородке из колючего кустарника (ветровой заслон). Мать находится постоянно при ней, а отец - рядом с хижинкой. Когда начинаются схватки, роженица садится на шкуру расставив ноги, а мать (тетя, или бабушка) поддерживают ее под спину, массируют плечи и поддерживают словами. Жена Гудо (лидера одной из групп) по имени Теече, рассказала, что рожать ей помогала бабушка, так как мать находится в группе, кочующей далеко от них, и идти рожать туда было бы сложно.

Женщина по имени Венди ходила рожать первого ребенка к родителям, а в последний раз вызывала мать к себе. Мать пришла со своей сестрой (ее тетей). Когда начались схватки, мать принимала ребенка, а тетка поддерживала ее под спину. Роды проходили в хижине. Еще одна женщина, Буби, сообщила, что роды у нее принимали мать и бабушка. Мать поддерживала роженицу, а бабушка принимала ребенка. Молодая женщина по имени Суиконекко ходила рожать к родителям в Яеда Чини. Ребенка принимала мать, а бабушка поддерживала под спину. Женщина-хадза по имени Минди перед родами отправилась с мужем и его сестрой в группу, где проживали ее родители. Роды у нее принимали мать и сестра ее мужа. В более редких случаях женщина остается в своей группе, а помощь при родах оказывают родственницы мужа (его мать, сестра, тетя).

Как сообщают респонденты (мужчины и женщины из группы Ньерере), несколько лет назад одна из женщин в лагере не могла разродиться в течение суток, ей оказывал помощь местный колдун - лекарь. Он окуривал ее различными травами и втирал снадобья в насечки на щеках и небольшие насечки на животе. В результате роды завершились успешно. Родился здоровый младенец. На вопрос, что бы было, если бы такая традиционная помощь оказалась неэффективной, некоторые женщины предположили, что пришлось бы вести роженицу в ближайший госпиталь.

Когда ребенок появляется на свет, женщина, принимающая роды (мать, тетя, сестра или бабушка), перерезают пуповину и перевязывают ее кусочком шкуры. Иногда пуповину перерезают

ножом, а иногда - тонкой жилой (веревкой). Одна из наших респонденток, Мария, рассказала, что ее мать перерезала пуповину бритвой, а ранку прижгла угольком. На вопрос: "Куда девают плаценту?", женщина по имени Бойя Чакуа сообщила, что ее выбрасывают в кусты, никаких ритуальных действий при этом не производится. Новорожденного обмывают водой, однако, если таковой не имеется, то вытирают кангой или мягкой шкуркой.

При первых схватках муж роженицы тотчас же уходит на охоту и никогда не возвращается пустым. При этом обычная процедура уравнительного дележа мясом не срабатывает. Типичной для хадза является отчетливая забота о нуждах роженицы и ее ребенка. Муж обязан принести дичь. Если его добыча невелика (например, дик-дик или зеленая мартышка), все мясо отдается новоиспеченной матери. Муж или родственники роженицы варят ей суп и этот суп она съедает сама, ни с кем не делясь. Если же убитое животное среднего или крупного размера, то половина принадлежит роженице, а вторую половину делят с соплеменниками. Так, Гудо, муж Тееко, в последний раз, когда она рожала принес крупного павиана. Половину этого мяса он сразу отдал ей, а вторая половина была поделена между другими членами группы. Если часть мяса, принадлежащая роженице, слишком велика для одной трапезы, остатки мяса режут на полосы и приваливают на солнце. Так, по рассказам Венди, муж принес с охоты импалу и половину туши подарил ей по случаю успешного разрешения от бремени. Разумеется, женщина не могла одна сразу съесть столько мяса, поэтому излишки муж порезал на ленты и повесил сушиться на кусты.

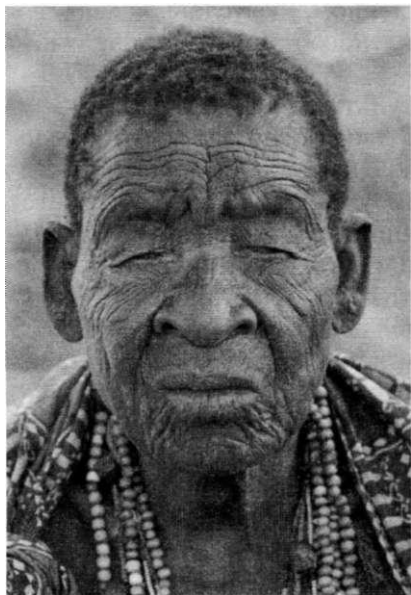
Еще одна женщина, по имени Мария, вспоминает, что муж принес ей с охоты куду и из части этого мяса сварил ей суп (она одна его ела, никто другой не просил поделиться), а остатки заготовил впрок в виде вяленого мяса. Муж другой женщины по имени Минди, убил импалу и тоже все мясо оставил ей, не став делиться с окружающими. Никто из окружающих не выражал недовольства по поводу поведения мужа роженицы и не просил своей доли мяса, как в обычные дни. Таким образом, в качестве важнейшего ритуала, связывающего мужа с роженицей и появившимся на свет младенцем, можно считать одаривание жены мясом, по возможности в избыточных количествах (позволяющих создать гарантированный пищевой запас на некоторое время). Хотя, по данным ряда авторов, роль отца, как добытчика пищи для жены и детей не столь важна для хадза, как, к примеру, для бушменов или аче (*Blurton Jones et al., 2000*). Такая подчерк-

нутая забота о жене и новорожденном, безусловно, является важнейшим отцовским вкладом и способствует благополучию роженицы и младенца.

Отказ от традиционного для культуры хадза дележа мясом, равно как единодушный консенсус членов группы по этому вопросу показательны и являются еще одной иллюстрацией их эгалитарных традиций. Таким образом, у молодой матери создается своеобразный резерв белковой пищи и в случае голода или неудачной охоты в ближайшее после родов время она обеспечена полноценной калорийной пищей, что в условиях экологии бродячих охотников-собирателей является исключительно адаптивной стратегией. Охота бывает удачной не каждый день, а роженица (по крайней мере, в первые дни после появления на свет ребенка) должна хорошо питаться. Учитывая так же факт высокой младенческой смертности по причине различных инфекционных заболеваний желудочно-кишечного тракта и респираторной системы, а также высокий риск заболеваний малярией в районе традиционного проживания хадза, данную стратегию следует рассматривать как жизненно важную для выживания всей популяции в целом.

Относительно того, как скоро новорожденного прикладывают к груди у наших респонденток имелись существенные разногласия. Юдисо говорила, что стала кормить ребенка через день после родов. Венди - что родила младенца в 8 утра, а к груди приложила в 5 вечера. Магуша начала кормить грудью через два часа после родов, а Мария стала кормить младенца уже через час после родов. Но все женщины отмечали, что перед тем, как давать грудь ребенку, необходимо вначале сцедить немного молока, иначе новорожденному трудно будет сосать. Возможно, в тех случаях, когда роженицы начинали кормить ребенка с большим интервалом, проблема состояла в отсутствии молока. Так, в случае с Венди (см. выше), муж принес ей мясо в 12 часов, после этого мать сварила ей суп, та поела и лишь после этого стала кормить младенца.

Если женщина уходит рожать к родителям, то она остается с ними несколько месяцев, а затем возвращается в свою группу. Младенцев кормят грудью до 1,5-2 лет. Первый год после родов муж с женой соблюдают послеродовое табу, хотя и спят вместе с детьми в одной хижине. Соблюдение табу позволяет максимальным образом снизить вероятность появления на свет нового ребенка тогда, когда предшествующий младенец еще полностью зависит от грудного вскармливания и нуждается в постоянной материнской заботе. Маленькие дети являются предметом актив-

Пожилая женщина хадза

ной заботы и внимания со стороны старших сестер и братьев, отца, ближайших родственников. Если мать уходит за ягодами или клубнями, она может оставить ребенка на попечение бабушки и отца (такую сцену мы неоднократно наблюдали в лагерях у Панды, Ньерере и Гисаронги).

Детская смертность в этой культуре велика. По нашим данным, из 172 детей, родившихся в 16 группах, до 6-7 летнего возраста дожили лишь 139 детей (то есть 19,2% детей умерло).

Дети хадза с раннего детства осваивают навыки охоты (мальчики) и собирательства (девочки и мальчики). Отец или

старшие оратья делают мальчику первый лук и стрелы, когда тот начинает самостоятельно бегать по лагерю, примерно к 3 годам, а к 4-5 годам мальчик уже способен попасть стрелой в дерево на расстоянии 7-10 м. По нашим данным, отцы начинают брать с собой на охоту (вблизи лагеря) мальчиков в возрасте от 6 лет, а затем по мере взросления расстояния ухода от лагеря постепенно увеличивается. Десятилетние мальчики уже обладают хорошими навыками охоты и способны добыть некрупную дичь типа мангусты, дамана или цесарки. А девочки в возрасте 8-9 лет не только помогают матери собирать ягоды и копать клубни, но и самостоятельно собирают лечебные смолы, которые используются хадза для очищения зубов и профилактики кариеса. К 15 годам девушка, а к 20 юноша хадза уже способны полностью обеспечить себя пищей и осваивают все необходимые экономические навыки (Hawkes et al., 1995).

Пока ребенок нуждается в постоянной заботе и не может самостоятельно передвигаться на большие расстояния, существенную помощь в воспитании детей оказывают бабушки по материнской линии.

Женщины пострепродуктивного возраста обеспечивают растительной пищей (ягоды, корни, клубни) дочерей и их малолетних детей и тем самым повышают вероятность выживания вну-

ков (*Hawkes et al.*, 1998). По нашим наблюдениям, пока у женщины грудной ребенок младше годовалого возраста, она часто остается в лагере, а ее мать и старшие дочери (если таковые имеются) ходят в буш и собирают плоды баобаба, ундошиби или различные клубни. Порой женщины оставляют маленьких детей на попечение своим родителям, а сами ходят за ягодами или ухаживают с мужем в гости в далеко расположенные группы. Такой визит может длиться не один день.

Социальная организация хадза отличается высокой степенью эгалитарности. Это общества с экономикой немедленного возврата и генерализованной реципрокностью (*Woodburn*, 1982). Здесь интенсивно практикуются механизмы уравнивания (*Boehm*, 1999), не позволяющие отдельным индивидам доминировать над остальными членами группы. Для хадза, как и для бушменов !кунг, характерна эгалитарная психология: в этом обществе существует равенство возможностей, равенство в доступе к пищевым ресурсам и освоению технологий добычи ресурсов (*McCall*, 2000; *Wiessner*, 1996). Все взрослые мужчины могут в равной мере заслужить уважение окружающих своими адекватными действиями (прежде всего мастерство охотника, дележ пищей). В каждой локальной группе есть лидер, характер лидерства не наследственный, не связан напрямую с возрастными характеристиками индивида. Как правило, лидер - хороший охотник, но не всегда лучший в группе. Как следует из бесед с респондентами, не существует формализованных процедур легитимации лидерства.

Один из молодых мужчин (примерно 20 лет), родственник Ньерере, женившийся несколько месяцев назад, в ходе интервью поделился своими планами на ближайшее будущее, сказав, что намерен покинуть группу Ньерере и основать свою собственную. Другие данные говорят о том, что имеются ограничения на срок нахождения в статусе лидера. Прежде всего, они связаны с физическими возможностями мужчины: способностью охотиться, принимать различные решения, решать спорные ситуации и пр. Респонденты сообщали, что лидером не может оставаться человек, который не может продолжать охотиться в связи с наступлением старости, вдовец или еще не женатый человек.

Эгалитарность хадза отчетливо проявляется и в наши дни в отношениях между лидером и остальными членами группы. Лидер не имеет каких-либо преимуществ перед другими в распределении пищи или иных материальных благ, не имеет какого-либо влияния (сакрального, выраженного в нормах обычного права

или иного рода) на других членов группы, кроме личного авторитета. Любые формы физического воздействия со стороны лидера исключены. Лидер не вправе заставить что-то сделать взрослого члена группы против его воли. В ответ на наши размышления о вреде алкоголя, один из лидеров по имени Гудо заметил: "Я хорошо понимаю опасность алкогольной зависимости, но я не могу запретить кому-либо выпивать, ибо это противоречит нашим представлениям о свободе каждого члена группы. Хадза независимые и, если не согласны со мною, как лидером группы, просто не слушаются, проигнорируют мой совет, или уйдут в другую группу".

Данные других исследователей говорят о том, что в эгалитарных обществах неоднократно наблюдаются попытки отдельных индивидов командовать другими. Однако, такие попытки обречены на неудачу: у эгалитарных охотников-собирателей имеются разнообразные способы "охлаждать горячие головы", в частности, такие действия становятся объектом шуток и насмешек. Вместе с тем, лидер может попросить гостя или члена своей группы покинуть лагерь, в случае если его (ее) поведение становится неадекватным, например, выпроводить тех, кто постоянно ворует что-либо у других, скандалит и дерется. Но это, конечно, крайняя мера, и судя по нашим интервью с хадза, прибегают к ней исключительно в редких случаях.

Каких-либо структур уровня выше бенда (локальной группы) у хадза не существует. Тендерные роли достаточно четко определены. У них существует практика раздельного приема пищи - мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. В случае нехватки посуды мужчины едят первыми. В отдельных случаях, по желанию мужа трапезничают малой семьей (муж, жена и дети). Несмотря на это, статус женщин высок, они являются полноправными членами группы, семьи. Необходимо согласие женщины на вступление в брак. Брак может быть расторгнут по инициативе жены. Эгалитарность общества хадза прослеживается и в возрастной плоскости. Мальчики без ограничения возраста могут принимать участие в охотничьих трапезах, находиться в обществе взрослых тогда, когда это им захочется.

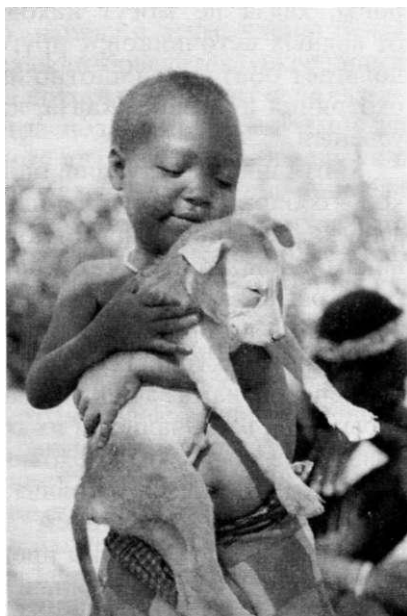
Как следует из интервью с нашими респондентами, у хадза (по крайней мере, в наши дни) отсутствуют выраженные мужские обряды перехода, связанные с изменением возрастного статуса, дети плавно вливаются в мир взрослых. Правда, в первой половине XX в. многие мужчины хадза, очевидно под влиянием тесных контактов с иссанзу, проходили через обряд обрезания, имело место также женское обрезание. Важнейшим ритуалом в

наши дни остается женская пубертатная инициация "Май-тох-ко" (Marlowe, 2002). Девушки, вступающие в пору зрелости, собираются в одном лагере, где старшие женщины умашивают их тела жиром животных и украшают бусами. После этого им вручаются специальные палочки "фертильности", которыми им предписано стегать всех мужчин, встретившихся на их пути. Один из наших респондентов мужчин продемонстрировал нам шрам на голове полученный таким образом.

В описываемой культуре существует толерантное отношение к физически и умственно неполноценным людям. Они остаются в социуме, находясь на иждивении других членов группы.

Окружающие рассматривают заботу о них как ординарное, всем очевидное явление. Несмотря на возможность бесплатного обучения в школе и проживания в интернате, немногие хадза стремятся получить образование или дать его детям. Значительно чаще за партой оказываются девочки. Мальчики отказываются от обучения, или будучи все таки помещенными в школу, вследствие экзогенных факторов, прекращают учиться через непродолжительное время или бегут из школы немедленно, что бы вернуться в буш. Имеются многочисленные примеры, когда дети хадза, проведя значительное время в школе, 4-7 лет, все равно возвращаются к традиционному образу жизни.

Экологическая ситуация в районе оз. Эйяси определяется в настоящее время все возрастающей плотностью населения. Наибольший процент населения составляют иракв (мбулу), ведущие комплексное хозяйство с большой долей скотоводства, в том числе и отгонного. Кроме того в данном регионе получило большое развитие товарное разведение репчатого лука. В результате чего пространства, прилегающие к непересыхающим водным источникам заняты под луковые плантации. Сегодня экосистема оз. Эйяси не справляется с уровнем потребления водных ресурсов и количество обезвоженных земель увеличивается. С одной сто-

Девочка с собачкой

роны, хадза не могут находиться в значительном удалении от водных источников, с другой стороны такая близость предполагает обитание в плотно населенной зоне. Несмотря на это, охотничий промысел хадза, как уже отмечалось выше, весьма успешен.

В отличие от ситуации, описанной для многих других охотников - собирателей (бушменов !кунг или пигмеев), мы не наблюдали какого-либо выраженного негативного отношения к охотникам собирателям у представителей коренных этнических групп региона. Во всяком случае, хадза не ощущают себя подчиненными и по преимуществу выступают равными партнерами в экономических и иных отношениях. Нередки случаи межэтнических браков, нами зафиксированы ситуации, когда брачные партнеры хадза включались в их группы (в том числе и мужчины) и принимали образ жизни охотников-собирателей.

В изменяющихся условиях, при наличии тесных контактов с инокультурным населением и вовлечением в сферу товарно-денежных отношений нам представляется возможным выделить три адаптивные стратегии, избираемые различными группами хадза. В настоящее время это скорее намечающиеся различия в способах адаптации и все группы хадза пока близки в ценностных ориентирах и образе жизни. Первая стратегия связана с сохранением традиционного образа жизни, независимостью от внешнего окружения, активным охотничьим промыслом, что, однако, не влечет никакой автаркии. Вторая категория групп имеет склонность к некоторой маргинализации, их стоянки ближе к деревне, здесь чаще употребляется алкоголь, меньше внимание уделяется охоте, происходит смещение в сторону нетрадиционной занятости. Третья адаптивная стратегия связана с ориентацией некоторых групп хадза на туристов. В таких группах элементы традиционной материальной культуры хадза изготавливаются в количествах, превышающих собственные потребности - на продажу. За определенную плату демонстрируются элементы духовной культуры - песни, танцы.

Исследованные нами группы хадза продолжают в целом практиковать, в том числе, и генерализованную реципрокность в отношении членов своей группы, несмотря на интенсивные глобализационные процессы в данном регионе Танзании. Хотя современные хадза эгалитарны, в некоторых группах можно заметить признаки накопления некоторой индивидуальной собственности (в форме одежды, транзисторов, таких предметов индивидуального пользования как наручные часы и пр.). При посещении групп туристами общая сумма передается лидеру и может

тратиться на приобретение продуктов питания или делиться между присутствующими. Однако, наряду с этим, члены бенда занимаются изготовлением и продажей браслетов, ожерелий и прочих изделий, деньги от продажи которых забирает себе автор. Эта составляющая дохода не всегда подлежит дележу (многие хадза стараются сохранить эту сумму для собственных нужд) и в этом аспекте традиционные нормы дележа входят в некоторый конфликт с подобным поведением. Возможность заработать деньги от продажи художественных изделий снижает также зависимость женщин от охотничьего мастерства мужа, что в первую очередь было типично для групп, посещаемых туристами.

Некоторые хадза устраиваются на временные поденные работы к местным фермерам, охраняют поля, работают охранниками в национальных парках. В этом случае вознаграждение в денежном исчислении становится регулярным и поступает регулярно. Подобная ситуация приводит к конфликту между традиционными эгалитарными институтами и законами капитализма в сознании наемных работников. По нашим данным, многие хадза в подобной ситуации оказываются неспособными адекватно решить возникшую проблему. Некоторые, стараются больше не возвращаться в родную группу, даже оставив в буше жену и детей. Последним не оказывают никакой материальной поддержки. Вероятной причиной невозвращения может оказаться нежелание делиться по требованию с соплеменниками, как того требуют законы эгалитарных обществ (Marshall, 1976; Peterson, 1993). Вместе с тем, ментальность таких люди претерпевает лишь частичные трансформации. В результате они часто "зависают" между традиционным и современным мирами: не желают вести себя по законам предков с одной стороны, но и оказываются не способными усвоить базовые принципы общества с денежной экономикой - не умеют копить деньги впрок (не пытаются приобретать землю или недвижимость, как это делают окружающие земледельческие народы) и не могут адекватно ими распоряжаться с другой. Все заработанное часто тратится на алкоголь (в этой ситуации реализуется традиционная установка дележа с окружающими - чаще всего это знакомые сельчане, но уже не хадза), увеселения и красивую одежду.

Хадза не единственные охотники-собиратели, которым приходится столкнуться с дилеммой применения или отвержения механизмов уравнивания в окружении активно наступающей денежной экономики. В современном мире большинство групп охотников собирателей (агта о. Лусон, австралийские аборигены, бушмены !кунг Намибии) под давлением обстоятельств вынуж-

дены были перейти к смешанной экономике и оказались вовлеченными в товарно-денежные отношения (*Altman, Peterson, 1988; Bird-David, 1992; Peterson, 1984; McCall, 2000*).

Аналогично другим собирателям, хадза в наши дни начинают все чаще получать ценные ресурсы, не прибегая к традиционным способам добычи пищи. Эта культура несколько позднее других собирательских культур сегодня на собственном опыте столкнулась с дилеммой адекватного сочетания традиционных установок дележа и уравнивания и вовлечения в систему денежной экономики. В отличие от бушменов !кунг или австралийских аборигенов (*Marshall, Ritchie, 1984; Peterson, 1993*) значительный процент хадза Танзании продолжают вести бродячий образ жизни. Они не получают денежных пособий по старости или по нетрудоспособности, равно как и продуктовых вспомоществований и вынуждены обеспечивать себя своими силами. Для сравнения: по данным Поли Виснер (*Wiessner, 1998* - цит. по *McCall, 2000*. Р. 141), бушмены !кунг из деревни Хеймса в среднем 18% дневных калорий получают благодаря охоте, 8% за счет собирательства, 1% за счет садоводства, 35% приходится на продукты, купленные в лавке, и 38% калорий за счет правительственных пособий. Исследовательница, правда, отмечает, что хотя большую часть калорий !кунг получают нетрадиционным путем, основным источником мяса продолжает оставаться охота. Для хадза, продолжающих вести бродячий образ жизни, профиль потребления в калориях выглядит значительно более традиционным: 11,1% дневных калорий приходится на мясную пищу, 22,8% на клубни и корни, 21,2% - на ягоды, 13,5% - на плоды баобаба, 21,4% - мед и лишь 9,9% - на нетрадиционные источники питания - маисовую муку, сладкий картофель, тыкву (*Marlowe, 2002*). Этот расклад определяет диету хадза в пределах лагеря. В реальности, мужчины потребляют больше калорий в виде мясной пищи (добытая дичь частично потребляется сразу после удачной охоты в форме мужской трапезы), а женщины до 30% растительной диеты потребляют в процессе сбора ягод, плодов и клубней.

Охота и собирательство чрезвычайно важны для сохранения традиционной эгалитарности хадза. Мужчины охотятся в одиночку, реже по двое-трое. Но иногда наблюдаются случаи коллективной охоты, когда одновременно в охотничьих действиях принимает участие до 15 человек. На одной из охот, где нам удалось присутствовать, действовало одновременно 6 охотников с 4 собаками. При этом было убито 5 дик-дигов. Окончание охоты было отмечено мужской трапезой на расстоянии от лагеря. Часть убитой дичи, включая внутренности и головы животных, была зажа-

рена на костре. Голова с мозгом причиталась охотнику, убившему добычу. В этом ритуале имеется не только социальная сторона - отдается дань охотничьему мастерству конкретного мужчины - но и сакральный подтекст. Как отмечает В.Р. Кабо (1986), по представлениям хадза, съедая мозг убитого животного, охотник устанавливает с ним особую связь. В результате, такое животное становится его "другом" и помогает ему в дальнейшей охоте.

Охота и собирательство выполняют важнейшую знаковую функцию не только для народов, продолжающих вести традиционный образ жизни, но и для тех охотников-собирателей, которых правительство "посадило" на землю и стало обеспечивать социальными пособиями (например, для эгалитарных бушменов !кунг или неэгалитарных австралийских аборигенов). По наблюдениям ряда исследователей, добытое на охоте мясо (пойманная рыба) и собранные в дикой природе ягоды продолжают оставаться предметам непереносимого дефицита с соплеменниками даже в условиях жизни в поселках (Артемова, устное сообщение; McCall, 2000). Люди зачастую охотятся и занимаются собирательством не для удовлетворения чувства голода, а для поддержания эгалитарного порядка и коллективного освоения ресурсов (Ingold, 1988). Этот факт свидетельствует о необычайной живучести традиций дефицита и кооперации у народов, которые вели в прошлом образ жизни охотников-собирателей.

Многие охотники-собиратели в наши дни научились сочетать нетрадиционные для их экономики способы получения ресурсов с традиционным образом жизни (Bird-David, 1992). Хадза Танзании, продолжающие вести бродячий образ жизни, одна из таких культур. Сегодня наряду с традиционными формами обмена подарками и обмена пищей, они столкнулись с проблемой дефицита денежных средств. Один из путей решения дилеммы - приобретение маиса, соли, сахара и алкоголя. Продукты питания, а также дешевый алкоголь, купленный у соседей земледельцев, они щедро делят с другими членами группы, следуя традиционной эгалитарной модели распределения. Дефицит алкоголя широко практикуется у бывших охотников - собирателей, и является способом приобщения владельцев денежных накоплений к социальным традициям предков (Wiessner, 1998 - цит. по McCall, 2000; Peterson, 1984). Вместе с тем, часть индивидуально заработанных средств уходит на индивидуальные нужды (хадза приобретают на них красивую одежду, предметы гигиены и косметические средства, украшения и предметы быта). Наличие небольшого объема индивидуальной собственности не противоречит

эгалитарной идеологии. У хадза и в прошлом имелись индивидуальные предметы, не подлежащие дележу (украшения, одежда, шкуры для сна, кисеты, трубки, луки со стрелами). Заимствование без спросу у другого этих вещей всегда расценивалось как кража и сурово каралось окружающими.

В современном мире немногие охотники-собиратели живут в тесном контакте с культурами, практикующими радикально отличные типы экономики и все чаще сталкиваются с феноменом товарно-денежных отношений. Означает ли данная ситуация непременный крах их культуры? Ответ на этот вопрос не однозначен. Можно лишь сказать, что при условии адекватной государственной политики по отношению к охотникам-собираателям и сохранением за ними прав на исконные территории (обеспечивающими их необходимыми запасами дичи и растительной пищи) такие культуры обладают достаточно большим запасом прочности и гибкости. Как показывают недавние работы по генетике, хадза можно считать автохтонным населением Восточной Африки (*Knight et al., 2003*). Эта небольшая по размерам этническая общность в течение тысяч лет существовала в практически неизменных экологических условиях и практиковала традиционные для охотников-собираателей способы хозяйствования. На сегодняшний день традиционные институты хадза демонстрируют значительную сохранность даже в условиях постоянных контактов с другим традиционными культурами и западной цивилизацией. При условии, что им удастся сохранить бродячий образ жизни (предполагающий также возможность обеспечивать себя преимущественно за счет охоты и собирательства), эгалитарные отношения у них будут сохраняться еще неопределенное долгое время. Хадза, как и другие культуры современных охотников-собираателей, прошли со времен палеолита длинный путь исторического развития (*Артемова, 2004*), и их нельзя рассматривать в качестве "живых ископаемых", однако изучение этой общности - ценнейший источник сведений для специалистов по эволюции социальности. Модели жизнедеятельности, экология, бюджет времени, взаимоотношения между полами, а также характер взаимоотношений дележа в группе у современных хадза дают уникальную информацию о том, каково могло быть поведение наших предков эпохи верхнего палеолита. Детальный анализ социоэкологических характеристик этой популяции позволяет также понять причины, по которым одни группы легко переходили от охоты и собирательства к производящему хозяйству, а другие предпочитали продолжать традиции предков.

В наших дальнейших работах будут освещены следующие вопросы: рассмотрены механизмы контроля социальной напряженности и проанализированы феномены агрессии и миротворчества у хадза, исследована возможная связь между маскулинностью и агрессией у мужчин и женщин, а также связь между социальным статусом (лидерством) и репродуктивным успехом.

Мы благодарны правительству Объединенной Республики Танзания, в лице COSTECH (лицензия № 2005-376-СС-2005-126) за разрешение на проведение исследований в районе оз. Эйяси. Особую благодарность хотелось бы выразить представительству Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России и лично его руководителю Р.К. Патееву, а так же проф. А. Мабулле, и нашим полевым ассистентам Л. Кледфейс и М. Масуди, без которых полевая работа была бы невозможна.

Артемова О.Ю., 2004. Охотники/собиратели и теория первобытности. М. Бутовская МЛ. Мабула А., 2007. Дети хадза: успешность адаптации в многоэтнических коллективах сверстников // ЭО, № 2.

Ольдерогге ДА., 1974. Японские исследования по этнографии Африки // СЭ. № 3.

Кабо В.Р., 1986. Первобытная доземледельческая община. М. Гл. 4: Охотники и собиратели Центральной, Южной и Восточной Африки.

Altman J., Peterson N., 1988. Rights to game and rights to cash among contemporary Australian hunter-gatherers // *Hunters and Gatherers* / Eds. Ingold T., Riches D., Woodburn J. Vol. 2. P. 75-94.

Bird-David N., 1992. Beyond "the hunting and gathering mode of subsistence": Culture-sensitive observations on the Nayaka and other modern hunter-gatherers // *Man*. Vol. 27. P. 19-44.

Blurton Jones N., Marlowe F., Hawkes K., O'Connell J., 2000. Paternal investment and hunter-gatherer divorce rates // *Adaptation and Human Behavior*. Eds. L.Cronk, N.Chagnon, W.Irons. New York: Aldine de Gruyter. 2000. P. 69-90.

Blurton Jones N.G., Smith L.C., O'Connell J.F., Hawkes K., Kamuzora C.L., 1992. Demography of the Hadza an increasing and high density population of savanna foragers // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 89. P. 159-181.

Boehm C., 1999. *Hierarchy in the forest*. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. 292 p.

Cronk L., 2000. Female-based parental investment and growth performance among the Makogodo // *Adaptation and human behavior* / Eds. L. Cronk, N. Chagnon, W. Irons eds. New York: Aldine de Gruyter. P. 203-222.

Hawkes K., O'Connell J., 1995. Hadza children foraging: juvenile dependency, social arrangements and mobility among hunter-gatherers // *Current Anthropology*. Vol. 38. P. 551-577.

Hawkes K., O'Connell J., Blurton Jones N., Alvarez H., Charnov E., 1998. Grandmothering, menopause, and the evolution of human life histories // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 1998. Vol. 95. P. 1336-1339.

Ingold T., 1988. Notes on the foraging mode of production // Eds. T. Ingold, D. Riches, J. Woodburn Oxford: Berg. Vol. 1. P. 269-285.

- Fleming H.C.*, 1986. Hadza and Sandawe genetic relations// Sprache und Geschichte in Afrika. Vol. 7. N 2. P. 157-187.
- Knight A., Underhill P., Mortensen H., Zhivotovsky L., Lin A., Henn B., Louis D., Ruhlen M., Mountain J.*, 2003. African Y chromosome and mtDNA divergence provides insight into the history of click languages // Current Biology. Vol. 13. P. 464-473.
- Lee R.B.*, 1984. The Dobe !Kung. New York: Holt Rinehart and Winston.
- Marlowe F.*, 1999. Male care and mating effort among Hadza foragers // Behavioral Ecology and Sociobiology. Vol. 46. P. 57-64.
- Marlowe F.*, 2002. Why Hadza are still hunters-gatherers/ Ethnicity, hunter-gatherers and the other": association or assimilation in Africa / Ed. S. Kent. Washington: Smithsonian Institution Press. P. 247-275.
- Marshall J., Ritchie C.*, 1984. Where are Ju/wasi of Nuae Nyae? Changes in a Bushman Society: 1958-1981. Cape Town: Centre for African Studies, University of Cape Town.
- Marshall L.*, 1976. The !Kung of Nyae Nyae. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- McCall G.S.*, 2000. Ju/'hoansi adaptations to cash economy // African Sociological Review. Vol. 4. N 1. P. 138-155.
- Murray Sh., Schoeninger M., Bunn H., Pickering T., Marlett A.*, 2001. Nutritional composition of some wild plant foods and honey used by Hadza foragers of Tanzania. Vol. 14. P. 3-13.
- Peterson J.T.*, 1984. Cash consumerism and savings: Economic change among the Agta foragers of Luzon, Phillipines // Research in Economic Anthropology. Vol. 6. P. 53-73.
- Peterson N.*, 1993. Demand sharing: reciprocity and the pressure for generosity among foragers // American Anthropologist. Vol. 95. P. 860-874.
- Ruhlen M.*, 1991. A guide to the world's languages. Stanford: Stanford University Press. Vol. 1: Classification.
- Sands B.*, 1995. Evaluating claims of distant linguistic relationships: the case of Khoisan. Ph. D. dissertation. University of California, Los Angeles.
- Schoeninger M., Bunn H., Murray Sh., Marlett J.*, 2001. Composition of tubers used by Hadza foragers of Tanzania // Journal of food composition and analysis. 2001. Vol. 14. P. 15-25.
- Wiessner P.*, 1996. Leveling the hunter: Constraints on the status quest in foraging societies // Food and the Status Quest: An Interdisciplinary Perspective / Eds. P. Wiessner, W. Schiefenhovel. Oxford: Berghan Books. P. 171-191.
- Woodburn J.*, 1977. The East African click languages: a phonetic comparison // Zur Sprachgeschichte und Ethnohistorie in Afrika / Ed. A. Tucher. Berlin: Reimer Verlag. P. 300-323.
- Woodburn J.*, 1982. Egalitarian societies / Man. Vol. 17. P. 431-451.